

Гу Фаньшуан невольно вспомнил прошлое с Чжан Ияо — ночные чтения, наполненные нежностью, дневные игры и веселье. Он вспомнил, как тот, несмотря на здоровье, приходил навестить его, когда отец наказывал. Но с появлением Сяо Цзиньюй он все больше отдалялся от Ияо, и в итоге, отдав все, получил лишь предательство и одиночество.

Гу Фаньшуан невольно выразил свое раскаяние в музыке, вспоминая былые времена. Если бы Ияо был здесь, он бы готов был умереть снова, не пожалев ни о чем. Если бы родители снова были живы, он бы стал даже животным, лишь бы вернуть их.

Сожаления постепенно переросли в музыку, наполненную агрессией. Его руки, перебирая струны, выражали всю ненависть, и слезы капали на инструмент. Звук флейты, казалось, противостоял мелодии, но в то же время успокаивал. Дуэт цитры и флейты, где один звук был праведным, а другой — зловещим, казался несовместимым, но почему-то их сердца бились в унисон.

Слушатели были зачарованы, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить эту прекрасную мелодию. Звуки дождя и цитры сливались воедино, создавая атмосферу печали и суровости. Мелкий дождь шел, то усиливаясь, то затихая, пока наконец все не стихло. Музыка замолчала, и слушатели, словно очнувшись от сна, пришли в себя.

Сяо Цзиньи с удивлением посмотрел на Чжан Ияо. Он предложил этот экзамен, будучи уверенным в своей победе:

— Скажи, как ты узнал об этой мелодии?

— «Легкое расставание» — это песня о любви женщины... Она не должна была появиться на свет. Если император узнает, он накажет тебя за непочтение, — тихо произнес Чжан Ияо, с глазами, полными слез.

Все были ошеломлены. Это была запрещенная мелодия, изданная в день восшествия на престол предыдущего императора. В те дни ее сочинила женщина легкого поведения, вспоминая мимолетных гостей, которые уходили, оставляя ее одну. Она посвятила свою молодость любви, но не смогла удержать возлюбленного. Чжан Ияо любил эту мелодию и мечтал сыграть ее дуэтом с Гу Фаньшуан, но тот так и не выполнил своего обещания. А с запретом на мелодию дуэт так и не состоялся.

— Так это та самая «Легкое расставание», которую я так долго искал... — Сяо Цзиньюй замолчал, не находя слов.

— Как ты, четвертый принц, смог найти такую редкую мелодию? В столице Великой Лян ее точно нет, — с пренебрежением сказал Ань Жоци. Он прекрасно знал текущую ситуацию при дворе и считал, что такие люди, как Сяо Цзиньи, долго не продержатся.

Сяо Цзиньи улыбнулся:

— Я нашел ее, когда был заложником в Наньчу. Иногда играл, когда было грустно.

Он посмотрел на Сяо Цзиньюй, чье лицо было непроницаемым, а затем бросил взгляд на Чжан Ияо:

— Ты действительно сын тети Фэнъи. Не ожидал, что ты поймешь чувства, заложенные в этой мелодии.

Сяо Цзиньюй внимательно посмотрел на покрасневшие глаза Чжан Ияо, решив, что тот был тронут искренностью мелодии.

«Я хотел использовать «Легкое расставание», чтобы выманить у третьего брата партитуру «Судьбы рождения нефрита в облачном море», но, похоже, придется искать другой способ».

— Ияо, второй брат советует тебе больше не играть эту мятежную мелодию. Ходят слухи, что женщина, написавшая ее, была распутницей, и она предала нынешнего императора. Ты должен знать свое место, иначе можешь навлечь беду на свою семью, — холодно произнес он.

Он посмотрел на четвертого принца и добавил:

— Мелодия хороша, но это всего лишь чувства женщины, которая не знала стыда и мечтала о любовнике. Как это может сравниться с «Рекой» Учителя Ляна?

Чжан Чэньци считал себя человеком великих талантов, учеником Учителя Ляна, и потому смотрел свысока. «Легкое расставание» он презирал, и даже не считал, что пропустил что-то важное, не услышав ее.

Но он не знал, что его лесть серьезно задела третьего принца Сяо Цзиньюй.

— О... Похоже, второй брат хорошо учился, но так и не понял сути! — прямо сказал он, намекая на то, что Чжан Чэньци скоро окажется в безвыходной ситуации.

— Третий брат, что ты имеешь в виду? Я ученик Учителя Ляна, и все знают, что я его лучший ученик. Ты говоришь, что я плохо учусь, но на самом деле ты критикуешь Учителя Ляна! Ты считаешь, что теперь в Великой Лян даже Учитель Лян тебе не ровня? — с возмущением ответил Чжан Чэньци.

Его слова вызвали бурю негодования среди присутствующих:

— Неожиданно, что сын принцессы будет так неуважителен к учителям и так высокомерен!

— Наверняка он всегда пользуется своим положением, чтобы издеваться над другими. Как законный сын, он, должно быть, часто обижал брата Чэньци.

Чжан Чэньци поклонился:

— Прошу прощения за младшего брата. Он редко выходит из дома, постоянно пьет лекарства, и его разум иногда бывает неясен. Я извиняюсь за него.

— Маленький убудок, в Павильоне Сяньдэ тебе лучше научиться вести себя скромно!

Чжан Ияо подумал: «Этот грязный трюк, чтобы показать свое превосходство и сохранить лицо, мог придумать только он. Он явно хочет использовать толпу, чтобы подавить меня. Скоро я покажу ему, на что способен!»

Он медленно встал и холодно произнес:

— Ты знаешь, что в этой мелодии звук флейты переплетается с агрессивными нотами цитры? Это символ готовности женщины умереть за мужчину. Разве такая любовь, столь решительная, не трогает небеса и землю? А ты называешь это мелкими чувствами женщины.

— Что с того, что она умерла за мужчину? Это женщина низкого происхождения, она,

наверное, любила каждого встречного. Говорила о смерти, а думала о любви, — громко ответил Чжан Чэньци.

— Именно... Женщина, умирающая за мужчину, — это добродетельная жена, а мужчина, умирающий за женщину, — это лишь повод для насмешек, — холодно добавил один из ученых.

Чжан Ияо встал, не желая больше сидеть здесь. Он посмотрел на этого человека и с грустью подумал: «Вот они, великие мудрецы Великой Лян!»

Сяо Цзиньюй сжал кулаки и тихо сказал:

— Тогда я хочу услышать, как ты, Чжан Ияо, объяснишь чувства этой женщины. Даже если она умерла, она так и не смогла удержать свою любовь. Почему же она так упорно держалась за нее?

Его слова были неожиданными, но сейчас он хотел услышать ответ от Чжан Ияо.

Чжан Ияо долго молчал, а затем тяжело вздохнул:

— Мы все обычные люди. Удержать или не удержать — это лишь надежда этой женщины, чтобы продолжать жить. Возможно, она чувствовала, что наконец нашла человека, который заставил ее плакать, смеяться и ждать. Иначе она бы стала одной из тех женщин, которые выходят замуж за других, становясь птицей в клетке. По крайней мере, в любви она была свободна. Я думаю, она благороднее любого из нас.

— Прекрасно сказано! — Сяо Цзиньюй захлопал в ладоши, восхищаясь его словами. — Его глаза светились одобрением, в то время как Сяо Цзиньюй смотрел на Чжан Ияо, глубоко вздохнув.

— Это всего лишь мои скромные мысли, — скромно ответил Чжан Ияо, украдкой глядя на Сяо Цзиньюй, который, казалось, был впечатлен.

— Я действительно благодарен этой женщине за то, что у нее есть такой друг, как ты, — тихо произнес Сяо Цзиньюй.

— Ты так хвалишь эту женщину, но где она сейчас? Одежда мужчины, и, вероятно, император уже забыл, как она выглядит! — Чжан Чэньци продолжал нести чепуху, не понимая, что заходит слишком далеко.

— Замолчи! — громко крикнул Сяо Цзиньюй. — Женщину императора нельзя обсуждать! Даже если она была из простого народа, вы не имеете права говорить о ней, Чжан Чэньци! Ты, похоже, совсем потерял страх! Или ты думаешь, что раз принц поддерживает тебя, ты можешь игнорировать императора?

Сяо Цзиньюй был в ярости. Он сжал кулаки, и если бы не присутствие других, он бы заставил этого парня серьезно поплатиться.

Чжан Ияо улыбнулся в уголке рта, подумав: «Вот это и есть идеальный момент».

Чжан Чэньци в страхе упал на колени:

— Ваше высочество, я ошибся, прошу прощения. Но ведь это Чжан Ияо начал этот разговор...